

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Е. С. Смоленская,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского,
e-mail: smolenskayaes@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу переводов произведений Ф. М. Достоевского на английский и немецкий языки. Автор рассматривает основные стратегии переводов и проблемы, с которыми сталкиваются переводчики. Среди них: транскрибирование имен собственных, перевод культурно-исторических реалий, стилизация народной или церковной речи, передача неологизмов, элементов иностранной речи и поэтических фрагментов в романах Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Федор Михайлович Достоевский, перевод, культурно-исторические реалии, английский язык, немецкий язык, межкультурная коммуникация.

PROBLEMS, PERSPECTIVES AND POLICIES OF TRANSLATING DOSTOYEVSKY'S NOVELS INTO ENGLISH AND GERMAN

*E. S. Smolenskaya,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky*

Abstract. The article deals with German and English translations of the Russian novelist Fyodor Dostoyevsky. Several strategies of translation as well as main problems of translating Dostoyevsky's works are discussed. Among the latter are: transcription of Russian personal names, translation of Russian culture-bound terms, stylization of folk and clergy's speech, translation of neologisms, phrases in other languages, translation of poetry in Dostoyevsky's novels.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, translation, transcription, culture-bound terms, English, German, cross-cultural communication.

Общим местом является «мрачность» Достоевского, а также то, что Фёдор Михайлович Достоевский едва ли относится к числу писателей, любимых всеми россиянами. Некоторые западные исследователи (среди них, в частности, Артур Мёллер ван ден Брук) [9] всерьёз утверждают, что именно Достоевский создал русскую мифологию. Безапелляционность этого утверждения можно и должно оспаривать вне зависимости от того, что оно может быть частично верным. Миф неизбежно связан со сказкой, с известным каждому ребёнку, а в сознании ребёнка, как и в своём собственном детском сознании, мы скорее обнаружим зелёный дуб у Лукоморья, чем блудницу и убийцу, склонившихся

над Евангелием. Достоевский сложен, противоречив, непрозрачен, всё это вместе мешает увидеть в нём как народного кумира, подобного Пушкину, так и творца русской мифологии.

Но то, что неверно для пространства русской литературы, оказывается во многом верным для литературы мировой. Достоевский – это, пожалуй, самый узнаваемый и самый читаемый русский писатель, проза Достоевского известна за рубежом даже больше прозы Льва Толстого и, конечно, гораздо больше прозы Пушкина. Лев Толстой любим и ценим французами (возможно, за длинные французские пассажи «Войны и мира»), но, к примеру, немцы, когда хотят сказать о романтичности, возвышенности, платоническом характере отношений между мужчиной и женщиной, говорят о том, что пара напоминает им героев Достоевского. Остаётся открытым вопрос, каких именно героев, также справедлива и мысль о том, что сравнение с героями Тургенева было бы уместней. Но Тургенева немцы читают и знают мало, хотя немецкие переводы Тургенева и можно найти на полках немецких книжных магазинов. За прошедшие со смерти писателя 133 года сам Достоевский стал в европейском культурном сознании своего рода мифом, одной из визитных карточек России, а на визитную карточку, можно поместить ярлык, несколько броских клише (вроде «православный мистик», «выразитель русской души», «антисемит» и т.п.), но на ней нельзя разместить большого и вдумчивого аналитического эссе, какой бы мелкий шрифт ни использовать.

Великие романы живут своей жизнью, переживая своих авторов, так же, как мост обычно переживает своих архитекторов, и подобно тому, как мосты соединяют два разных берега, великие романы обеспечивают возможность взаимопонимания между двумя разными культурами. В настоящее время, когда антироссийские настроения в Европе сильны как никогда, даже польские газетчики, всю критикуя политический режим в России, оговариваются, что они «не ненавидят русский народ», напротив, испытывают к нему симпатию, ведь это народ великой культуры, народ Чайковского и Достоевского. Такие заявления внушают надежду на возможность цивилизационного диалога, даже если декларативности и святошества в них больше, чем подлинной симпатии к русскому народу и русской культуре. Как ни удивительно, но порой уже умершие писатели могут оказаться лучшими строителями духовных мостов, чем живые действующие политики.

В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о переводах Достоевского на немецкий и английский язык, ведь читатели западных стран видят Достоевского глазами его переводчиков и заметить то, чего не заметили переводчики, не способны. Насколько точны немецкие и английские переводы Достоевского? С какими проблемами и вызовами сталкиваются авторы переводов? Как они отвечают на эти вызовы? Возможны ли иные перспективные ответы? Эти вопросы определяют проблемное поле настоящей статьи.

Достоевского переводили на немецкий и английский языки много и охотно, существует не менее шести переводов каждого из его крупных романов. Самые ранние принадлежат перу Констанс Гарнетт (Constance

Garnett). Среди английских переводчиков известны Ева Мартин, (Eva Martin), Ричард Певир (Richard Pevear), который работает в сотрудничестве с Ларисой Волохонской; Дэвид МакДафф (David McDuff), С. Дж. Хогарт. (S. J. Hogarht), Дэвид Мэгаршэк (David Magarshack), Дэвид Лоу (David Lowe), Кеннет Ланц (Kenneth Lantz), Дэвид Пэттерсон (David Patterson), Роналд Уилкс (Ronald Wilks). Вообще, среди англоязычных переводчиков Достоевского есть очень интересные персонажи, например, наша соотечественница Елена Петровна Блаватская, мистик и религиозный философ. Труды Блаватской стали известны именно англоязычному читателю, её наследие – такая же часть англосаксонской культуры, как, к примеру, английское творчество Владимира Набокова, а русские читатели знакомятся с текстами Блаватской в переводе с английского на русский. Блаватская собственноручно перевела «Легенду о Великом инквизиторе», видимо, обнаружив в ней созвучие собственным идеям и прозрениям; этот перевод имеется в Сети в свободном доступе [3].

Из немецких переводчиков писателя следует назвать Элизабет Кэррик (Elisabeth Kaerrick, одна из первых переводчиц, работала под псевдонимом Е. К. Rahsin, до сих пор многие немецкие читатели не имеют представления, что переводчик была женщиной), Германа Рёля (Hermann Röhl), Рудольфа Касснера (Rudolph Kassner), Рихарда Гофмана (Richard Hoffmann). Достаточно известный современный переводчик Достоевского на немецкий язык – Светлана Гейер (Swetlana Geier), известная не только как переводчик, но и как исследователь творчества Достоевского.

Прозаические переводы традиционно считаются более простыми, чем стихотворные, но в случае Достоевского едва ли можно говорить о простоте работы переводчика. Мы можем обозначить следующие трудности, иначе говоря, вызовы для любого германо- или англоязычного переводчика Достоевского:

- (1) имена собственные;
- (2) исторические и страноведческие реалии;
- (3) речевая характеристика персонажей (стилизация народного или церковного языка),
- (4) окказионализмы и неологизмы;
- (5) фрагменты иностранной речи;
- (6) поэтические фрагменты.

Ниже мы коснёмся опыта преодоления переводчиками каждого из этих вызовов.

(1)

Традиционным путём передачи имён собственных в романах Достоевского является их транскрипция средствами немецкой или английской орфографии. Транскрипция касается и полных имён, и уменьшительных форм. Так, Алёша Карамазов – это именно Alyosha (англ.) или Aljoscha (нем.) там, где сам автор называет его Алёшей, и Alexey Fyodorowitch (англ.) Alexej Fjodorowitsch (нем.) там, где Достоевский называет своего героя по имени и отчеству. Эта норма почти не знает исключений, что создаёт определённые трудности для англо- или германоязычного читателя, у которого, говоря образно, немного рябит в

глазах от обилия единого в трёх лицах персонажа по имени Dima / Mitya / Dmitri и которому не очень легко запомнить, что Grushenka и Agrafena – это одна и та же женщина. Ничего не поделать, выход заключается только в переводческих комментариях. Другой выход – передать имя персонажа Alexey раз навсегда и на протяжении всего текста романа не менять это имя – значительно обеднил бы текст перевода. Понимая это, ни один из известных нам переводчиков Достоевского этим путём не пошёл.

Мы упомянули, что транскрипция является нормой почти без исключений, но, конечно, исключения встречаются. Так, Ева Мартин в переводе «Идиота» передаёт имя Елизаветы Прокофьевны Епанчиной как Elizabetha Epanchin [4], вопреки более привычному Elizaveta. Этот способ, конечно, искажает фонетический облик русского имени, но он имеет и свои достоинства, так как позволяет читателю вспомнить греческие корни имени и создаёт параллелизм между русской Елизаветой и аналогичным английским именем. Нужно сказать, что приношение чужого имени к орфографии или фонетике своего языка для художественных переводов является старой переводческой традицией, ведь и Shakespeare по-русски – это Шекспир, а не Шейкспир, и его героиня для нас – это Мария Стюарт, а не Мэрайа Стюарт, и известную пьесу Брехта мы знаем под названием «Добрый человек из Сычуани», а не «Добрый человек из Зецуана». Что же до фонетических искажений, то от них несвободны и «чистые транскрипции». В огромном большинстве английских переводов Елизавета Епанчина – это Elizaveta Epanchin. Иногда не только этимология, но и орфография бывает ложным другом переводчика, вводящим его в заблуждение. Казалось бы, нет ничего естественней передачи русской буквы Е через английскую E, но русская буква в начале слова передаёт два звука, полугласный и гласный [jɛ], поэтому англоязычные читатели могут получить ложные представления о том, что покровительницу несчастного князя звали по-русски Элизавета Эпанчина. Вероятно, если идти чисто фонетическим путём, Yelizaveta было бы лучшим вариантом.

Отдельно отметим фонетический курьёз в известном немецком переводе «Идиота». Г. Рёль упорно на протяжении всего текста романа пишет имя князя Льва Николаевича как Ljow (читается «Лёв») [5]. Неужели переводчика ввела в заблуждение русская орфография, в которой над ё часто не ставятся точки? Лишнее доказательство необходимости полномасштабного употребления этой буквы нашего алфавита. Или Рёль следует живой фонетической традиции, действительно существовавшей в XIX веке? Известно ведь, что и Лев Толстой называл своего героя Лёвиным (а не Левиным). В пользу последней версии говорит и то, что Гарнетт совершенно независимо от Рёля в переводе «Бесов» пишет:

*“VyeK, and vyeK, and Lyov Kambek,
Lyov Kambek and vyeK, and vyeK”* [6].

То есть вновь перед нами «Лёв», а не «Лев». Все эти вопросы следует задавать специалистам в области исторической лингвистики.

Англо- и германоязычные переводы Достоевского, как правило, точны в передаче реалий. Реалии передаются или описательно, или транскрипцией русского слова с его расшифровкой в сноске. Например, «укладку», в которой Алёна Ивановна хранит заклады, Констанс Гарнетт переводит как trunk [2], то есть как «сундук». Это, конечно, несколько обедняет текст Достоевского, так как укладка – это, во первых, небольшой сундук, во-вторых, часто это сундук особой формы, с одним скошенным углом. Но всё же именно такой подход к переводу является, на наш взгляд, оптимальным решением, потому что транслитерация реалии, вроде *ukladka*, сделало бы при большом количестве реалий текст непроницаемым для английского читателя, а расширительное описание укладки как «небольшого сундука со скошенным углом» в самом тексте перевода отвлекало бы внимание читателя на бытовые мелочи в ущерб пониманию пафоса романа, что едва ли одобрил бы сам писатель.

Напротив, Э. Кэррик передаёт «юродивые» как *Jurodiwys* [5], и в этом случае такое решение тоже сложно оспорить, потому что «дурак», «болван», «сумасшедший» или «шут» – это совсем не юродивый; потому, что юродивый – это специфическая русская реалия, и понимание её для понимания текста романа более важно, чем то, в чемодане какой формы и размера старуха-процентщица хранила заклады.

Интересно переводческое решение для слова «старец» (старец Зосима). Практически все английские переводы передают его как *elder*. Но *elder* – это всё же, как правило, «староста» (иногда церковный), «старейшина». Впрочем, здесь вопрос решается именно расширительным толкованием, которое предлагает сам Достоевский, ведь писатель в тексте «Братьев Карамазовых» специально оговаривается о том, что «старец» – специфичное понятие лишь православной церкви (греческой и русской), а после посвящает расшифровке понятия несколько страниц. Здесь писатель как бы предугадывает усилия переводчика, который в случае художественного текста переводит не только и не столько слова, но и что стоит за словами и вокруг слов, и сам облегчает их. Творческая интуиция или простое совпадение? Этот вопрос нужно задавать самому писателю – возможность упущена.

Встречаются при передаче реалий и незначительные ошибки. Так, та же Констанс Гарнетт даёт *justice of the pease* как вариант перевода «мирового судьи» [1]. Переводчица не осознала, что речь идёт о *міровомъ* судье, то есть судье общины, судебной инстанции на уровне местного самоуправления, а не о судье, который «мирит» стороны. Здесь *community justice* было бы более точным вариантом. Впрочем, едва ли стоит заострять внимание на этой отдельной ошибке в целом очень неплохого перевода «Братьев Карамазовых», если уж большинство наших современников не осознаёт сейчас этимологию выражения «мировой судья».

(3)

Почти все переводчики Достоевского пытаются воспроизвести «народную» или, напротив, «церковную» речь Достоевского средствами своего языка, прибегая в первом случае к намеренным аграмматизмам (ошибки в окончаниях, повторы предлогов, нетипичные для английского и немецкого

языка инверсии), во втором – к архаическим конструкциям. Вот как, в частности, разговаривают неграмотные крестьянки и мещанки, пришедшие к старцу Зосиме (в переводе Констанс Гарнетт):

“From afar off, Father, from afar off! From two hundred miles from here. From afar off, Father, from afar off!” [1];

“Thinks I, I’ll go and see him for myself” [1].

Здесь избыточное off, избыточный повтор предлога from, аграмматичное окончание s в первом лице единственного числа. К похожим средствам прибегают и немецкие переводчики. Впрочем, общее впечатление автора статьи о стилизации народной речи в переводах Достоевского таково: переводчик делает несколько усилий в начале каждого такого фрагмента, но затем забывает о своей дополнительной задаче, и крестьянка, начавшаяся с таких естественных аграмматизмов, продолжает дальше почти как английская леди. Не будем судить переводчиков строго: в случае Достоевского они часто сталкиваются со сверх-вызовами.

Сравним также начало одной из духовных бесед старца Зосимы и её перевод на английский язык:

«Отцы и учителя, что есть инок? В просвещенном мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у некоторых и как бранное. И чем дальше, тем больше. Правда, ох правда, много и в монашестве тунеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг» [8];

“Fathers and teachers, what is the monk? In the cultivated world the word is nowadays pronounced by some people with a jeer, and by others it is used as a term of abuse, and this contempt for the monk is growing. It is true, alas, it is true, that there are many sluggards, gluttons, profligates and insolent beggars among monks” [1].

Здесь мы наблюдаем передачу русских архаизмов (тунеядцы, плотоугодники, сластолюбцы) также вполне архаичными английскими словами (sluggards, gluttons, profligates). Получается ли у Констанс Гарнетт при этом воссоздать редкое своеобразие, особую мелодику речи старца? В определённой мере, но об этом каждый должен судить сам, ведь такие оценки неизбежно будут субъективными.

(4)

Окказионализмы и неологизмы Достоевского представляют для англо- и германоязычных переводчиков особую сложность. Все мы помним сцену из «Осеннего марафона», где Андрей Бузыкин, герой Олега Басилашвили поясняет датскому профессору Хансену (его играет Норберт Кухинке): дескать, вы переводите «обезьяна», а в тексте – «аблизьяна», и между «обезьяной» и «аблизьяной» есть разница. Не знаем, как справился профессор Хансен, но вот Герман Рёль передаёт «зелёную аблизьяну» из «Униженных и оскорблённых» как “grüne Meerkatze” [7], то есть примерно как «зелёную мартышку». Этот переводчик спасовала перед «аблизьяной». Кто бы, однако, не спасовал?

Мы, русские читатели Достоевского, понимаем, что есть разница между «пьяным и пьяненьким», но, например, Рихард Гофман даёт “ich lag betrunken da” [8] для «А я лежал пьяненькой». Все мы чувствуем, что блудные

плясавицы, которых упоминает распоясавшийся Фёдор Павлович Карамазов перед настоятелем монастыря, это не то же самое, что просто harlots, как их переводит Гарнетт [1]. Подводя итог: перед неологизмами Достоевского переводчики в основном пасуют, переводя их лишь тогда, когда не переводить становится никак невозможно. Сравним «Что ты там нафонзонил такого?» [10] и “what did you *vonsohn* there?” [1]. В последнем случае переводчица выделяет слово курсивом, обращая внимание на редкость словоупотребления.

(5)

Казалось бы, передача немецкого или английского фрагмента для иностранного переводчика – простейшая вещь, но и здесь есть свои сложности, когда мы говорим не о простом «переводе слов», но о переводе художественного впечатления. Раскольников, вызванный в полицию, наблюдает в полицейском участке некую Луизу Ивановну, содержательницу публичного дома. Один из полицейских чинов предлагает Луизе Ивановне сесть, и та благодарит его по-немецки. «*“Ich danke”, – сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустила на стул*» [12]. В английском переводе слова *Ich danke* тоже даны по-немецки [2], а в немецком – разумеется, по-немецки, но курсивом, и далее идёт “erwiderte sie leise auf deutsch” [8], то есть «ответила она тихо по-немецки». Если следовать требованию буквальности перевода, его дословной точности, то добавлять «по-немецки» переводчику было нельзя, поскольку в оригинале этих слов нет. Но в этом случае поблекнет речевая и психологическая характеристика персонажа. На наш взгляд, это решение – ещё одно доказательство того, что при выборе между буквализмом и художественностью переводчик художественного текста должен делать выбор в пользу последней.

Всё относительно просто, когда иноязычная речь вкраплена в текст романа в объёме двух-трёх слов, но как быть, например, с паном Муссяловичем? Напомним, что этот комичный в своём самодопольстве польский чиновник появляется в третьем томе «Братьев Карамазовых» и упорно желает говорить с польским акцентом, так что местами вовсе сбивается на польский язык. «– *Але не можно не мець слабосьци до своего краю? – возгласил он*» [10]. Это, безусловно, углубляет образ. За внешней комичностью здесь видится трагедия малой нации, которой чудится, что она притеснена, унижена, оскорблена своим географическим соседом, которая болезненно переживает это оскорбление. (Как это актуально именно сегодня!) Практически все известные нам переводы пасуют перед польским акцентом пана Муссяловича и достаточно незамысловато переводят его речь на английский или немецкий язык (например, вот вариант Гарнетт: “ ‘*Can one help loving one’s own country?*’ he shouted [1]). А впрочем, что ещё им остаётся делать? Польские словечки пана Муссяловича нам, славянам, отчасти понятны, но для большинства англо- или германоязычных читателей они будут так же непонятны, как китайский язык.

(6)

Поэтические фрагменты в прозе Достоевского делятся на две категории. С одной стороны, это тексты других авторов, органично включённые Достоевским в свои тексты в качестве эпиграфа или иным способом, так что их

уже сложно представить в отрыве от творчества Достоевского. (Таковы, например, две пушкинские строфы, предпосланные эпиграфом к «Бесам».) С другой стороны, это собственные тексты Достоевского, точнее, «вирши» его персонажей. Они, как правило, беспомощны в художественном отношении, но их беспомощность нарочита. В конце концов, капитан Лебядкин не может изъясняться как Пушкин, он может изъясняться лишь невыносимо пошлыми стихами капитана Лебядкина, и пошлость этих стихов – одна из самых ярких черт его образа. Давайте сравним оригинал и перевод Констанс Гарнетт.

*«О как мила она,
Елизавета Тушина,
Когда с родственником на дамском седле летает,
А локон ее с ветрами играет,
Или когда с матерью в церкви падает ниц,
И зрится румянец благоговейных лиц!
Тогда брачных и законных наслаждений желаю
И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю» [11].*

*"Oh, she's a sweet queen,
Lizaveta Tushin!
When on side-saddle she gallops by,
And in the breeze her fair tresses fly!
Or when with her mother in church she bows low
And on devout faces a red flush doth flow!
Then for the joys of lawful wedlock I aspire,
And follow her and her mother with tears of desire» [6].*

На наш взгляд, английский вариант – очень хорош, и здесь переводчица оказалась конгениальна русскому писателю. В переводе есть то сочетание притязания на высокий слог с отсутствием ритма и художественного вкуса, которое отличает и оригинал. То, что эта неумелость – нарочита, а не является неумелостью переводчицы, доказывается её же блестящим переводом эпиграфа к «Бесам», взятого из Пушкина. Приведём его целиком:

*"Strike me dead, the track has vanished,
Well, what now? We've lost the way,
Demons have bewitched our horses,
Led us in the wilds astray.*

*"What a number! Whither drift they?
What's the mournful dirge they sing?
Do they hail a witch's marriage
Or a goblin's burying?" [6].*

Это – почти пушкинская выразительность в ритме, аллитерациях и словоподборе. Кстати, обратим внимание на *goblin*, которым передано русское «домовой». Следуя требованиям буквальной точности, нужно было бы использовать *domovoy*, но вероятно, излишне говорить о том, что транскрипция малоизвестной реалии разрушила бы магию стиха.

Немецкий перевод пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный» сделанный Г. Рёлем [5] (это стихотворение в тексте «Идиота» читает Аглая Епанчина) тоже нельзя назвать неудачным, хотя, на наш взгляд, он и уступает вышеприведённому в выразительности.

Подведём итоги нашего анализа. За прошедшее со дня смерти писателя время сложилась богатая традиция переводов Достоевского на немецкий и английский языки. В огромном большинстве это – качественные переводы, авторы которых отвечают на большую часть художественных вызовов, пасуя только перед авторскими неологизмами. Важно отметить, что при выборе между двумя переводческими стратегиями, а именно буквализмом (дословной точностью) и художественностью английские и немецкие переводчики обычно делают выбор в пользу художественности. Отдельные случаи переводческих неудач названы выше, при этом они не умаляют огромного значения переводов Достоевского в деле пропаганды русской культуры среди германо- и англоязычной аудитории. Подобно тому, как в будущем ожидаются новые, ещё более удачные переводы русского писателя, и этот опыт анализа может быть продолжен и расширен. Тема наилучших стратегий при переводе Достоевского ещё ждёт своего исследователя.

Литература

1. *Dostoyevsky, Fyodor*. The Brothers Karamazov: [Электронный ресурс]. Translated by Constance Garnett. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/28054>. (Дата обращения 13.10.2014)
2. *Dostoevsky, Fyodor and Constance Garnett* (Translator). Crime and Punishment. – Dover Publications, 2011.
3. *Dostoevsky, Feodor*. The Grand Inquisitor: [Электронный ресурс]. Translated by H. P. Blavatsky. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8578>. (Дата обращения 13.10.2014)
4. *Dostoyevski, Fyodor*. The Idiot: [Электронный ресурс]. Translated by Eva Martin. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2638>. (Дата обращения 13.10.2014)
5. *Dostoevskij, Fëdor Michajlovič*. Der Idiot. Übersetzt von Hermann Röhl. – Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1981.
6. *Dostoevski, Fyodor*. The Possessed: [Электронный ресурс]. Translated by Constance Garnett. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8117>. (Дата обращения 13.10.2014)
7. *Dostojewski, Fjodr Michailowitsch*. Erniedrigte und Beleidigte. Übersetzt von Hermann Röhl. – Verlag tredition GmbH, 2000.
8. *Dostojewskij, Fjodor Michailowitsch*. Schuld und Sühne. Übersetzt von Richard Hoffmann. – Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 1997.

9. *Moeller van den Bruck, Arthur*. Bemerkungen über Dostojewski. – Centro studi la runa. Archivio di storia, tradizione, letteratura, filosofia. – 1 gennaio 2000.
10. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. – М., Фолио, 2000.
11. Достоевский, Ф. М. Бесы. – М.: Эксмо, 2006
12. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: [Электронный ресурс].
URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml. (Дата обращения 13.10.2014)